

В. В. ФАЙЕР

«СТАНУТ ПОТОМКИ ТЕБЯ БЛАГОСЛОВИТЬ»?
(О новом переводе первой книги «Одиссеи») *

Начну эту заметку с личного заявления: я не отношу себя к поклонникам переводов Максима Амелина, во всяком случае, его версия Катутла мне решительно не близка¹. Перевод 1-й книги «Одиссеи» [Гомер 2013] я начинал читать с предубеждением. Вместе с тем, яркий отзыв Н. П. Гринцера на эту работу, опубликованный на сайте «Лента.ру» [Гринцер 2013], в некоторых пунктах показался мне несправедливым. Захотелось возразить Николаю Павловичу, которого следует назвать если не крупнейшим гомероведом нашей страны, то, по крайней мере, одним из 2–3 наиболее авторитетных специалистов в этой области. Оценивая современную поэзию, публика нередко ориентируется на вкусы уважаемых ценителей, однако с переводами возникает дополнительный вопрос об их адекватности оригиналу. Несогласие Н. П. Гринцера, основанное главным образом на вкусе, может создать у читателя впечатление, что перевод Максима Амелина не имеет никакого отношения к оригиналу, а с этим хотелось бы поспорить. При этом я обращаюсь только к тем пунктам, где я не (вполне) согласен с автором сурового отзыва.

Может быть, главный вызов для переводчика «Илиады» или «Одиссеи» — многослойность и сложность гомеровского языка. Это выражается не только в лексическом богатстве, но и в фонетико-морфологическом разнообразии: даже многие служебные слова и морфемы в гомеровском языке допускают омонимию или, хотя бы, некоторую фонетическую вариативность. В «Илиаде» и «Одиссее» встречаются формы различных диалектов и эпох, а также поэтизмы, которые, видимо, никогда не использовались в повседневной речи.

Однако всё это разнообразие в устном импровизационном эпосе представляет собой органическое единство. Сказитель постоянно использует близкие по смыслу, но метрически различные способы выражения одних и тех же значений, в том числе и грамматических. Именно это свойство эпического языка дает возможность поэту на ходу перестроить сочетание слов в переменном метрическом контексте и создает условия для импровизации. Гомеровский диалект производит впечатление скорее сложного сплава, чем сборной солянки.

Конечно, и в русском языке немало дублетов: например, «счастье» и «счастье». Однако по понятным причинам развитой системы полиморфных

* Данное научное исследование (№ проекта 14-01-0192) выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014/2015 гг.

формулы в ориентированной на письменность литературе мы не встретим, и создать ее нелегко. Если, передавая Гомера по-русски, мы решим унифицировать всё его богатство и разнообразие, результатом будет невыразительная монотонность, если предпочтем разнообразить лексику и, тем более, морфологию, обращаясь к различным стилистическим и диалектным пластам, получится ненужный комический эффект. Именно поиск золотой середины между этими двумя полюсами становится, на мой взгляд, чуть ли не главной трудностью при переводе Гомера.

В непревзойденной книге А. Н. Егунова «Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков» [Егунов 1964] подробно рассказано о том, как решал эту задачу Н. И. Гнедич. В частности, к лексике современного ему литературного языка он с осторожностью добавлял церковнославянизмы, неологизмы и диалектизмы. Нисколько не умаляя величия Гнедича, я хотел бы подчеркнуть, что эта филигранная работа всё же невероятно далека от широчайшего гомеровского диапазона. Амелин сделал попытку этот диапазон несколько расширить; если в его переводе соседствуют «брашна» и «жрите», то это не каприз любителя эклектики, а стремление передать богатство подлинника. Представим себя афинянами классической поры: «Одиссея» отстоит от нас на три века, многие гомеровские слова продолжают использоваться в разговорной речи, но некоторые выражения отражают микенскую или даже индоевропейскую древность в том смысле, что они не были вполне понятны уже Гомеру! И как это прикажете переводить на русский, если разрыв между «брашна» и «жрите» гораздо меньший, чем крайние точки гомеровского разнообразия? Более того, русские стилистические пласты выстраиваются по линии: высокое — среднее — низкое. А у Гомера этих измерений по крайней мере три: временное, диалектное и поэтическое (в том смысле, что некоторые слова и выражения свойственны именно поэтическому языку).

Н. П. Финцер критикует амелинское «о», добавляемое к предлогам и приставкам: <...> и, **вспомнив** его, **ко** бессмертным речи направил <...>, а стих, в котором имеется еще и начальное ударение, <...> **ко** Эфиопам, что врозь на самом краю обитают <...> называет «прямым нарушением языковой нормы» [2013]². Между тем, эти «лишние» былинные слоги — один из самых естественных (в смысле первым приходящий на ум) способов изобразить гомеровскую морфологическую пестроту и непере译имое богатство греческих частиц. Что же касается нарушения языковой нормы, то аналогичные явления встречаются в оригинале. Обычно у Гомера краткий гласный на конце слова перед гласным исчезает³, а долгий сокращается. Однако так происходит не всегда: иногда гласный перед гласным в словоразделе сохраняется неизменным; это явление называется hiatus «зияние». Многие случаи гомеровского зияния объясняются исторической фонетикой (обычно тем, что ранее в начале

второго слова был согласный), но, во-первых, это объяснение работает далеко не всегда, а, во-вторых, для современников Гомера и уж тем более для позднейших поколений гнат становится изобразительным средством, которое акцентирует стих как раз своим «нарушением языковой нормы». В 1989 г. даже вышла в свет монография Пьера Фортасье «Экспрессивное зияние в „Илиаде“ и „Одиссее“» [Fortassier 1989]. Так что ироничное «Эфиопы и Ко», вынесенное в заголовок статьи «Ленты.ру», способно сбить читателя с толку.

Можно, конечно, сказать: «Что позволено Гомеру, не позволено Амелину!», и удовлетворяться добротной стилистически нейтральной версией В. В. Вересаева [Гомер 1949; 1953]⁴. Студенты, по моему опыту, предпочитают именно ее, потому что всё понятно и нет никаких вопросов. Однако мне кажется, что русской литературе все-таки нужен новый перевод (во всяком случае, «Одиссее»), причем такой, в котором вопросы как раз возникали бы. И когда такие предельные поэтические эксперименты начала XX века, как футуристическая заумь, уже подернулись респектабельной патиной, восприятие читателя, пожалуй, готово к тому, чтобы несколько расширить границу допустимого в переводах Гомера. Конечно, это расширение не может быть чисто механическим: например, мне, как и Н. П. Гринцеру, не показались удачными *прекрасные поршни* Афины. А вот *бедоносец Одиссей, земледельные люди и рыжий Менелай* — понравились, ничем не плохи *благословить* и *руководить*, не режет ухо, что Афина и Телемах запросто отвечают друг другу: *Ладно, удачной показалась строка: <...> все б они скоровечны и скорбносвадебны стали!* Впрочем, это уже относится к моему личному вкусу и едва ли интересно читателю.

Когда рассуждаешь с позиции вкуса, его хочется перепроверить, и такую возможность дает одна из реплик Н. П. Гринцера. По его мнению, «„Кучные овцы“ заставляют читательское воображение метаться между „тучными овцами“ и „кучными облаками“» [2013]. Моей языковой интуиции это не соответствует: облака скорее бывают «кучевыми». Для проверки этого впечатления я обратился к Национальному корпусу русского языка⁵. Всего в НКРЯ имеется 313 вхождений «кучн*», причем большинство случаев относится к стрельбе⁶. «Кучные облака» встречаются трижды: «Дымь дальних пожаров медленно всходили к небу или отдельными кучными облаками лежали то там, то здесь по горизонту» (А. А. Фадеев, «Молодая гвардия», 1943–1951 [ruscorpora]; см. также И. Ф. Стаднюк, «Максим Перепелица», 1956 [ruscorpora], и А. А. Богданов, «Акриды», 1913 [ruscorpora]).

К тесно расположившимся людям слова с этим корнем применяются значительно чаще: например, «<...> на верхней палубе, кучно сгрудившись, лепились у желтого леера пассажиры» (Виктор Астафьев, «Царь-рыба», 1974 [ruscorpora], также Федор Абрамов, «Деревянные кони», 1969 [ruscorpora], и Анатолий Приставкин, «Вагончик мой дальний», 2005 [ruscorpora], и мн.

др.). Также наречие «кучно» встречается при описании животных: лошадей (Анатолий Гладилин, «Большой беговой день», 1976–1981 [ruscorpora]), антилоп (Василий Песков, Борис Стрельников, «Земля за океаном», 1977 [ruscorpora]) и, наконец, овец: «<...> большое стадо овец кучно жалось на темной траве, а сторожевые псы, заслышав прохожих, залаяли» (Н. С. Лесков, «Захудалый род», 1874 [ruscorpora]). Разумеется, наречие «кучно» и прилагательное «кучный» — не одно и то же, но при обсуждении поэтичности перевода эти детали едва ли принципиальны. Итак, фадеевские ассоциации могут произвольно возникать у всех нас, учившихся в советской школе, но, кажется, аналогия с Лесковым реабилитирует «кучных овец». Такого рода сочетаниями М. Амелин стремится передать богатство гомеровского языка.

Обсуждая архаизмы нового перевода, Гринцер задает вопрос: «еду надо называть „брашном“ лишь на том основании, что это Гомер, или потому, что в „Одиссее“ здесь стоит тоже архаизм? Первая установка кажется в высшей степени сомнительной, вторая — более понятной. Однако как раз на месте „брашна“ в оригинале всякий раз исправно отыскивается самый обычный греческий „обед“ <δῆπνον>» [2013]. На это хочется возразить словами Н. И. Гнедича (из письма А. Н. Оленину от 26 марта 1825 г.): «<...> кто въ переводѣ моемъ, взявши отдѣльно какой-нибудь эпитетъ или слово и не находя его соотвѣтственнымъ, по видимому, подлиннику въ томъ стихѣ, изъ какого взято, будетъ осуждать меня въ неточности — можетъ ошибиться» [Оленинъ 1877: 91; Егунов 1964: 194]. Действительно, если в оригинале есть некоторая доля слов, чуждых языку аудитории, переводчик имеет право на ту же долю архаизмов или поэтизмов, но не обязательно всякий раз на тех же местах. Строго пословное соответствие в таких случаях невозможно без натяжек и — в итоге — без ущерба качеству перевода. Если следовать строгому рецепту «переводим архаизм архаизмом и ни шагу в сторону», эстетически убедительного текста не получится.

Несогласие Николая Павловича вызывает частый пропуск ударения в начальной позиции, который, по его мнению, нехарактерен для русского гекzamетра. Действительно, в случае со словом «что» (<...> *негодуя всем сердцем*, // *что простоял перед входом* <...>), которое различает смысл в ударной и безударной формах, пожалуй, стоит экспериментировать осторожнее. Однако здесь кроется еще одна проблема для переводчика Гомера: греческий гекзаметр разнообразится чередованиями дактилей и спондеев в первых пяти стопах. И в «Илиаде», и в «Одиссее» встречаются все 32 теоретически возможных варианта гекзаметра, но русский аналог этого размера гораздо беднее вариантами и звучит монотоннее. Более того, у Гомера изредка встречаются «вольности», делающие этот размер еще более разнообразным, и среди них — краткий слог в начале стиха на месте долгого. Наиболее строгим мет-

рическим эквивалентом этого явления по-русски как раз и будет начальная клитика. Если стремиться расширить диапазон возможного в русском гексаметре, то такого рода эксперименты напрашиваются, хотя они, конечно, могут оказаться и неудачными.

Обратимся теперь к синтаксису. Критикуя стих Амелина <...> между // многими копиями в ряд бедоносца вместив Одиссея <...>, который и правда трудно назвать удачным, Н. П. Гринцер пишет «в итоге напрочь теряется общий смысл, вполне очевидный в оригинале» [2013]. Однако запутанность синтаксиса в этой строке может оказаться компенсацией сложности оригинала в каком-то другом месте; к такого рода ходам переводчикам приходится прибегать постоянно. Гораздо убедительнее было бы сказать иначе: «В „Одиссее“ никогда не встречается такого рода неоднозначных и запутанных синтаксических конструкций». Но так ли это? И был ли смысл каждого стиха всегда очевиден и прозрачен для современников Гомера? Для афинян времен Эсхила? Для александрийцев эпохи Птолемея? Синтаксис «Одиссеи», действительно, не назовешь головоломным, но и под столь однозначным утверждением я бы не стал ставить свою подпись.

Во всяком случае, критикуемые Н. П. Гринцером особенности перевода М. А. Амелина по большей части имеют опору в гомеровском оригинале. Впечатление, которое может сложиться у читателя статьи «Эфиопы и Ко», что неумелый, некомпетентный переводчик наговорил каких-то несуразностей, следует признать ошибочным. Означает ли это, что перевод Максима Альбертовича — творческая удача? Я не берусь судить выше сапога. Мнение Николая Павловича для меня очень важно, но будет жаль, если другие ценители русской поэзии промолчат.

По большому счету только будущее сможет показать, приживется ли в словесности обсуждаемый текст или никто не обратит на него внимания, как на перевод «Одиссеи» П. А. Шуйского [Гомер 1948]. Сегодня трудно представить себе, чтобы потомки уподобили Амелина Гнедичу, но он вполне может оказаться новым Костровым, перевод которого [Костров 1802] Гнедич высоко ценил и активно использовал. Черда поисков русского Гомера не должна прерываться, и я очень надеюсь, что Максим Альбертович последует изречению «Сказал α — говори β»⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Впрочем, я не знаком с последним исправленным изданием этой книги.

² В стихе <...> ко эфиопам <...> также легко придаться к слову *врозь*, потому что оно, как нередко у Амелина, сдвинуто по значению: так передано τῆλόθι 'далеко'. Однако, если вернуться к идее, что мы читаем Гомера глазами афинянина классической поры, то эти сдвиги получают свое объяснение и, может быть, оправдание.

³ На самом деле «исчезает» — некоторое упрощение, но да простят меня специалисты за желание избежать неуместных здесь деталей. В конце концов, в наших учебниках написано именно так — ср. [Соболевский 1948: 12, § 32; Славятинская 2003: 24, 483] и мн. др.

⁴ Впрочем, не во всем этот перевод нейтрален. Например, у Вересаева в Ил. 8:423 (σύ γ' αἰνοτάτη κύων ἄδδεός) Ирида говорит Афине: «ты — сука бесстыдная», и то же говорит Лера Артемиде в Ил. 21:481 (σύ νῦν μέμονας κύων ἄδδεός): «Сука бесстыдная!» [Гомер 1949: 176, 459], тогда как Гнедич решается здесь только на «псицу» [Гомерь 1839, I: 235; II: 268]; ср. тот же контекст в Од. 19:91, где Пенелопа бранит свою служанку Меланфо в нейтральных выражениях (θαρσαλέη, κύων ἄδδεός): «нахалка, собака бесстыжая!» [Гмер 1953: 227].

⁵ Ниже все примеры, взятые из НКРЯ (<http://www.ruscorpora.ru>), сопровождаются пометой «гускорпа».

⁶ Что же касается «кучев*», то почти все вхождения в НКРЯ — это прилагательные, относящиеся к «облака».

[⁷ Напомним, что 24 песни «Илиады» и 24 песни «Одиссеи» в традиционной гомеровской текстологической и эдиционной практике нумеруются 24-мя буквами греческого алфавита, заглавными (Α — Ω) для первой поэмы и строчными (α — ω) для второй. — Ред.]

БИБЛИОГРАФИЯ

- [Гомерь]: 1839, *Илиада Гомера, переведенная Н. Гнѣдичемъ*: [Въ 2 ч.], издание 2-е, Санктпетербургъ: У издателя книгопродавца Лисенкова.
- Гомер: 1948, *Одиссея*, Перевод (размером подлинника) П. А. Шуйского: под редакцией А. И. Виноградова, Свердловск: Уральский Государственный университет им. А. М. Горького: Кафедра классической филологии.
- Гомер: 1949, *Илиада*, Перевод В. Вересаева, Москва — Ленинград: Государственное Издательство Художественной Литературы.
- Гомер: 1953, *Одиссея*, Перевод [с греческого] В. Вересаева, Редакция академика И. И. Блостога, Москва — Ленинград: Государственное издательство художественной литературы.
- Гомер: 2013, 'Одиссея. Песнь первая', Перевод с древнегреческого и предисловие Максима Амелина, *Новый мир*, № 2, 138–147.
- Гринцер, Н.: 2013, 'Эфиопы и Ко: Вышел новый перевод «Одиссеи»', *Лента.ру*, 13 марта, URL: <http://lenta.ru/articles/2013/03/13/odyssey/> (дата обращения: 31 декабря 2014).
- Егунов, А. Н.: 1964, *Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков*, Москва — Ленинград: Наука.
- Костровъ, [Е. И.]: 1802, *Полное собрание всѣхъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ*: [Въ 2 ч.], Санктпетербургъ: Въ Императорской Типографіи, ч. II: Гомерова Илиада.
- Оленинъ, А. Н.: 1877, *Археологическіе труды: Въ 2 т., С.-Петербургъ*: Типографія Императорской Академіи Наукъ, т. I, вып. I: Переписка А. Н. Оленина съ разными лицами по поводу предпринятаго Н. И. Гнѣдичемъ перевода Гомеровоѣ Илиады.
- Славятинская, М. Н.: 2003, *Учебник древнегреческого языка, 2-е изд., испр. и доп.*, Москва: Филоматис.
- Соболевский, С. И.: 1948, *Древне-греческий язык: Учебник для высших учебных заведений*, Москва: Издательство литературы на иностранных языках [репринт издания: Российская академия образования: Северо-Западное отделение, Санкт-Петербург: Алетей; Издательско-торговый дом «Летний Сад», 2000].
- Fortassier, P.: 1989, *L'hiatus expressif dans l'Iliade et dans l'Odyssee*, Paris: Peeters (= Bibliothèque de L'Information Grammaticale; Vol. 17).